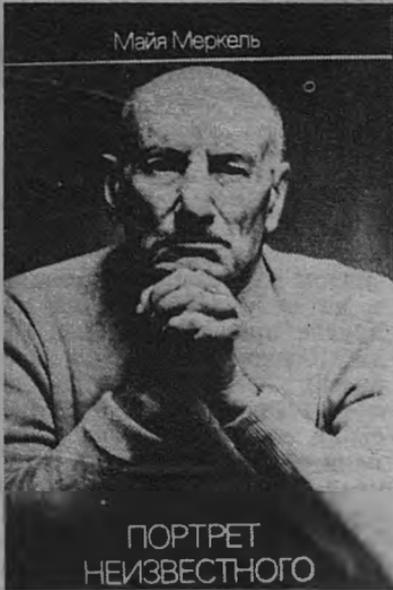

Неизвестный Герасимов

Майя Меркель

ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОГО

«Творчество — дело ироническое». Так сказал известный кинорежиссер, снимая свою последнюю в жизни, может быть, самую трудную, выстраданную картину. Сказано афористично, но вот можно ли с этим согласиться? Спорно, конечно, но интересно: вот, оказывается, как понимал свое дело художник, прославившийся истовой убежденностью в торжестве нравственных ценностей, решимостью отстаивать их в искусстве. Говорил ли он искренне или это была самоирония — в этом еще предстоит разобраться. Человек, о котором идет речь, был как айсберг. И дело, которому он служил, тоже — айсберг: много чего там крылось за ослепительным светом софитов. Может быть, это самое «ироническое» стало для художника средством самозащиты, средством самосохранения и, более того, спасения своего мира, своего таланта?

«Кинопроцесс — дело ироническое» — так было бы, наверное, вернее.

— А какой, Сергей Аполлинариевич, самый любимый период работы над фильмом?

— Пожалуй, сценарий. Не то, чтобы самый любимый, но на него приходится наибольшее количество иллюзий и восторгов по поводу собственных замислов, которые потом начинают потихонечку разрушаться. С помощью всех участников этого многосложного процесса. Каждый что-нибудь приносит.

— То есть, очевидно, уносит, — замечает собеседник.

Так они неспешно беседуют, а магнитофон пишет и пишет все подряд: и серьезный разговор, и говоря кинематографическим языком, «грязь». «шумы» и самые неожиданные помехи. Пишет в павильоне, когда идет съемка, пишет в тонзале во время озвучания. И мало-помалу из этих записей складывается картина так называемого «кинопроцесса» — мучительного и беспросветного толчения воды в ступе, воды, из которой вопреки всяким законам в конце концов сбивается масло.

«Мы делали наши фильмы на чистом масле», — говаривал Сергей Аполлинариевич: такая у него была присказка. Чего это стоило — делать на «чистом масле» — понимаешь только теперь, читая и перечитывая магнитофонные записи, переведенные на бумагу и прокомментированные Майей Меркель:

они-то и составляют книгу «Портрет неизвестного», выпущенную издательством «Искусство». Книгу эту трудно подвести под общую классификацию: искусствоведение, мемуары — эти понятия к ней не приложимы и вместе с тем в чем-то отвечают ее сути. Автор Майя Меркель и редактор Тамара Борисова не убогаются «необычного жанра». Жанр этот, собственно, и разработан Майей Меркель, кинопублицистом, посвятившим немало времени изучению загадочного «кинопроцесса». Честь и слава Герасимову — он допустил автора книги с магнитофоном в свою творческую труппу, он понимал: это необходимо для дальнейшего развития любимейшего из искусств. Он понимал, что горький свой опыт не может, не имеет права унести с собой; этот опыт должен послужить всем художникам, держащим воссоздать и запечатлеть на пленке живое чудо жизни. У него с ними — одна стезя и одна мука.

По существу родным домом была для Герасимова студия. Здесь он не то чтобы работал — здесь он проводил жизнь, и, как принято было думать, в свое удовольствие. Что это за «удовольствие» — понимаешь, читая «Портрет неизвестного»: удовольствие смирять свою страстную натуру, если это нужно для пользы дела; удовольствие сообщать свой дар лицедейства другому существу — актеру, смаковать потом какую-нибудь особенно удавшуюся интонацию, как вкуснейшее блюдо, любимый «супец с моркошкой». Мучиться, как мучается всякий большой художник, сопрягая жизнь духа с условиями, диктатом временщиков... Все это есть в книге Майи Меркель — она и впрямь являет нам неизвестного Герасимова, без чинов, без званий — просто труженика, просто мученика своей профессии, озабоченного только тем, как лучше сделать картину, как «не наврать».

Удался ли ему фильм «Лев Толстой»? Не в том суть книги: автор не берется судить о результате. Главное в этой книге — Герасимов думающий, страдающий, сомневающийся и, как бы сказал Толстой, «сопрягающий»... «...Их было трое: Толстой, Герасимов и третий, замешанный из них двоих», он жил на экране и обращался к нынешним поколениям с призывом не забывать о душе, о высоком назначении человека. Да, это была не игра, а проживание толстовской жизни и смерти со всеми вытекающими отсюда последствиями — возвышением над собственной жизнью и сокращением своего пути к Вечности. Ему было почти столько же лет, сколько было Толстому, а старость...

«...старость это Рим, который Взамен турусов и колес Не читки требует с актера, А полной гибели всерьез».

Он знал: серьезнее не бывает. Эта роль стоила ему жизни. Остались его фильмы, остались его книги. Остался и «Портрет неизвестного», который многое прояснит в его противоречивой творческой судьбе.

Лариса ЯГУНКОВА.